© 1996 г. Т.М. НИКОЛАЕВА

ТЕОРИИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЯЗЫКА И ЕГО ЭВОЛЮЦИИ — НОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

Настоящая статья посвящена очень быстро развивающемуся направлению лингвистики, которое, по ряду причин (а их мы попытаемся объяснить в конце) в нашем отечественном языкознании практически не прижились, хотя в последние годы и появились отдельные работы, но в основном с "нелингвистической стороны".

В 1866 г. Парижское лингвистическое общество прекратило принимать к рассмотрению исследования о происхождении языка и об истоках его развития. В 1975 г. вышло уже 15 000 публикаций по этому вопросу. И к 1992 г. общество LOS (Language Origins Society) насчитывало уже 200 официальных членов. Но настоящая история этого направления начинается примерно в 1980—1981 гг., когда в лингвистике были сформулированы — сразу в нескольких монографиях — вопросы, тут же осознанные как жгучие и требовавшие немедленной реакции. Общество LOS приводит ежегодные встречи — из последних можно назвать 9-й форум в С.-Петербурге, 10-й — в Беркли, 11-й — в Будапеште. Российские участники в этих встречах уже представлены. Энтузиастами LOS являются не только лингвисты, но и антропологи, философы, физиологи, палеоисторики и др. Более важно то, что в рамках LOS объединились две ветви науки, ранее достаточно отдаленные хронологическим мостом: теория (теории) происхождения человеческого языка и идеи, объясняющие механизм эволюционного развития уже сформировавшихся языковых систем.

Прежде всего необходимо сказать, что предлагаемый ниже обзор печальным образом неполон, что объясняется чисто библиографическими и экономическими трудностями общего характера, т.к. монографии и большие сборники 90-х поступают в минимизированном виде в наши отечественные библиотеки (и не только в наши). Как все-таки кажется, неполнота ссылок может быть возмещена попыткой проследить движение анализируемых идей, начиная с истоков 80-х.

Кроме того, следует отметить, что если о механизме языкового движения у автора обзора есть какие-то гипотезы и рассуждения (см. [Николаева 1991; 1993] и др., где излагается гипотеза о том, что язык развивается в сторону увеличения информации в единицу времени), то по поводу возможных теорий происхождения языка нет никаких соображений, поэтому в соответствующем месте приходится слепо идти за пересказываемой автором той или иной яркой идеей.

Несмотря на то, что, как сказано выше, LOS объединяет обе ветви языкового развития, все же целесообразно для нужд лингвистического издания их излагать раздельно. Кроме того, заслугой данного направления является живой интерес к некоей "промежуточной" ступени — между чем-то лингвоподобным у раннего человека и сформировавшимся языком *Homo sapiens*. Лучше всего этот период, называемый "Language origins" [Studies 1988; 1989 и др.], передать по-русски как исследования "истоков языка".

I. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ЯЗЫКА И ЕГО НАЧАЛЬНЫЙ ОБЛИК

Естественно, что на этом первом разделе напрашивается членение на три "подраздела": 1) КОГДА возникла человеческая речь? 2) КАК это произошло? 3) КАКОЙ была речь на первом ее этапе?

КОГДА возникла речь?

По этому вопросу существуют две точки зрения — креационистская (практически не обсуждаемая; по поводу нее можно упомянуть только обзор всего, что о речи говорится в Библии: ведь говорили и змеи, и ангелы [Hartelsson 1991]) и эволюционная.

Самые ранние предпосылки развития речевого аппарата находят у рыб (уже 300 000 лет тому назад) [Wind 1989; 1992], постепенная эволюция речевого аппарата идет, по Винду, от этой поры. Зачатки человеческого языка отмечают примерно на уровне от 200 000 до 100 000 лет назад, в эпоху Палеолита. В Среднем Палеолите, около 100 000 лет тому назад, произошел некий взрыв, скачок. По Ф. Либерману, он мог объясняться перенасыщенностью критической культурной массы [Liebetman 1989]. Б. Кьярелли [Chiarelli 1989] считает, что возникновение языка обусловлено латерализацией мозга гоминидов, в свою очередь связанной с началом использования и изготовления инструментов, в том числе каменных орудий и развитием в связи с этим мыслительно-созидающей деятельности (см. также [Ragir 1993]). Возникающую речь объясняют и через изменение респирации, и через подражание пению птиц. Однако все сходится на том, что настоящий звуковой язык возник примерно на уровне 50 000 лет назад, в эпоху Среднего Палеолита, а то, что уже можно назвать языком в нашем понимании — где-то около 30 000 лет назад. Э. Паллиблэнк [Pulleyblank 1989] усматривает в этот период переход к произвольности языкового знака, обеспечившей дуальность языковой модели и развитие необходимой для языка символики. Ряд европейских ученых начинают вновь обращаться к теориям Я. Бёме о неслучайности связи звука и смысла; таким образом, произвольность языкового знака — это результат забвения первоначальной связи формы и содержания слова [Hafferland 1989]. Именно в это время происходит и скачок в человеческой популяции — от 2 млн. людей в период 30 000 лет до 6 миллионов за следующие 15 000 лет. Человеческие группировки (возможно, потенциальные базы древних диалектов) насчитывали от 175 до 400 человек. Язык неандертальцев, (а некоторые считают его не звуковым, а жестовым), видимо, исчез вместе с ними. Впрочем, Ф. Либерман и другие, основываясь именно на том факте, что неандерталец не владел звуковым языком, считали, что язык идет от жестов, т.е. восходит к неандертальцам (полемику с этим см. [Wiener 1984]).

Наиболее трудной для понимания оказывается эволюция языка от *Homo erectus*—*erectus/sapiens*—*sapiens*. Сводеш реконструирует 11 протоязыков примерно 25 000-летней давности. Неудачными оказались попытки выявить реальную дату знаменитой "Вавилонской башни". Местом зарождения языка и человека все больше начинают считать Африку (теория "черной Евы" [Bickerton 1990]).

Итак — естественно — единодушие ответа на вопрос КОГДА никак не соотносится с ключевым словом: ПОЧЕМУ?

КАК возникла речь?

Некое единство объясняющих теорий позволяет нам интерпретировать их как "теории параллельного коррелята"; Например, развитие языка — это результат развития эхолокации и акустической сенсорики ("Вполне можно считать верифицированным положение о том, что на ранних эволюционных этапах преимущество было за не-оптической сенсорикой, именно она помогала выжить" [Fruendt 1993: 15]). Происходило три вида селекции: филогенетическая (т.е. естественный отбор, по Дарвину); онтогенетическая и культурная. Язык необходимым образом включал в себя все три вида селекции [Catania 1993]. Наконец, возникновение языка потребовало нескольких этапов развития символики: 1) осознание гоминидами самой возможности символа; 2) коллективное признание этих символов; 3) понимание условности этих символов, а вслед за этим и возникновение мысли (стали "думать о"); 4) эволюция моторики, миметическая имитация [Donald 1993]. Вообще развитие моторики считается важнейшим условием, в том числе и моторики артикуляторной; так, анатомия человеческих останков 40 000-летней давности говорит о том, что были две стадии эволюции ларинкса, полное развитие фаринкса осуществилось только на второй стадии.

Однако все чаще говорится об очень удобной для теории постепенности идеи языка как коллажа, так называемой "мозаичной эволюции" (*mosaic evolution*). Язык человека опирался на язык приматов, который был гораздо сложнее, чем это принято думать. Он не соотносим с коммуникативными возможностями современных обезьян-приматов. Р. Лэсс (о котором более подробно будет говориться далее) ввел особый термин для интерпретации "мозаичной эволюции" — "экзаптация" (*exaptation*). Это — термин эволюционной биологии, обозначающий функционирование как нового чего-то, уже ранее известного, но имевшего иную функцию. Таким образом, в языках всегда есть некий "bricolage" [Lass 1990].

КАКОЙ была проторечь (протоязык)?

Начнем с того, что протоязык был, по всей видимости, метафорическим. Сама протокоммуникация, вероятно, осуществлялась именно на метафорическом уровне [Lindgren 1991]. Метафора — это "зеркало человеческого мышления", ибо метафорическому способу мышления обучить невозможно. Эта мысль кажется очень важной, поскольку, очевидно, все ранние произведения традиционной культуры — загадки, пословицы и проч. строятся на постижении мира через с о п о с т а в л е н и е, т.е. через близкое к метафоре сравнение; в этом смысле примитивная культура далека от индуктивного и дедуктивного способа постижения.

О "грамматике" протоязыка в рассматриваемых работах не говорится, зато значительное число статей посвящено вопросу о том, какими были первичные единицы речевого общения.

Первичные формы языка, по мнению исследователей, если их специально суммировать, манифестируются в виде трех типов единиц, при этом все единицы являются первичными, минимальными — в пределах своего слоя.

Согласно одному подходу, язык реализовался в виде слогов, но эти слоги отчетливо делились на два класса — ударные и безударные. Ударные слоги — это такие, в которых заключалось важнейшее семантическое содержание (*memorable speech*), своеобразные "капсулы речи" [Payson Creed 1989: 44]. Например, капсула информации содержится в четвертой строке "Беовульфа": *Scyld—sceaф—sceaфа*. Второй вид слогов — безударный. Таким образом, по мнению Пэйсона Крида, слог намного важнее звука при создании человеческой речи. Гоминиды стали людьми, именно изобретя слог (*biting sound*).

Единицы первичного языка, по второй точке зрения, это фонестемы, т.е. комбинации фонем (как правило, консонантных), несущие некую диффузную семантику [Rolfe 1993]. Например, фонестема присутствует в приводимом ряде английских слов: *damp/swamp/dump/plump/dimple* [Rolfe 1993: 37].

Третий слой единиц — фонемы, возникшие из уже функционирующих частиц (партикул), утративших полностью или частично свою семантику. "Фонемы не были, таким образом, изобретены; они уже повсюду присутствовали как фонетические частички, с неким глобальным значением, чаще всего синтаксическим, но потом они стали выполнять двойную нагрузку. Базовые корни, как это показывает ряд реконструкций, были как правило, консонантными" [Studies 1989; 32].

На последнем слое хотелось бы несколько остановиться. Работая над частицами в славянских языках, я пришла в свое время к выводу о существовании базовых партикул с консонантной опорой и аллофонно варьирующимся гласным. Частицы эти выполняют тексто-коммуникативную функцию (выражая вопрос, определенность — неопределенность, отрицание и т.д.). Из этих партикул состоит коммуникативный пласт не только индоевропейских языков, но и языков "ностратической группы" (ср. в русском: *то-тъ; съ; здешний < съ-де-[šь] -н-ий; и-бо; ли-бо; и-ли; и-же; да-же* и т.д.). Именно консонанты *F, S, T* Винд считает идеальными звуками человеческой перцепции [Wind 1991: 33]. Странным здесь кажется вот что: что же эти "синтаксические" по началу партикулы, из которых развились фонемы, могли ранее связывать, если знаменательные слова еще не могли сформироваться из-за отсутствия фонем? Иначе говоря, могли ли единицы актуализации возникнуть до слов референтной значимости? Этот напрашивающийся вывод является для меня загадочным.

В целом придерживаясь взгляда, что язык — "это просто одна из форм эволюционной адаптации", Д. Бикертон сформулировал общее различие естественного языка и протоязыка в специальной книге [Bickerton 1990]. Язык и протоязык различаются по следующим показателям: 1) в языке разные способы выражения имеют разные функции; в протоязыке допустима свободная вариативность; 2) в языке есть ноль, в протоязыке нет; 3) глагол в языке может быть поливалентен; 4) в языке есть специальные механизмы для развертывания "по правилам" предложений; 5) в протоязыке нет грамматики. В настоящее время протоструктуры характеризуют язык

обезьян, речь маленьких детей и пиджин-языки. По всей вероятности, мужской и женский способы речеворения различались [Daniel 1991].

Итак, намечаются три ступени коммуникации при возникновении языка [Tomasello 1991: 85]: 1. Интенциональная коммуникация — Нижний Палеолит. 2. Коммуникация символическая — Средний Палеолит. 3. Собственно языковая коммуникация — Верхний Палеолит.

По-видимому, изначально протоязык был многозначен и расплывчат (ambiguous) и ингерентно неясен [Lieberman 1984]. Более важен позитивный ответ на вопрос о моногенезе, связываемом с универсальной по своему устройству гомеостатичностью языка и вообще схожестью с биологическими моделями [Winter 1988: 262; Smillie 1991]. Впрочем, как пишет один из авторов, "Гипотезу о моногенезе языка невозможно ни доказать, ни опровергнуть" [Fidelholtz 1991; 99].

II. ПЕРЕХОД ОТ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЯЗЫКА К ЕГО СТАНОВЛЕНИЮ. ТЕОРИИ ЕГО ЭВОЛЮЦИИ

Среди исследователей, о которых мы пишем, есть авторы очень ярких и многократно цитируемых теорий, каждая из которых может быть по возможности кратко презентована. Согласно "теории красного мрамора" (red marble theory: наиболее подробное изложение этой теории [Key 1989: 68—70]), первичные морфемы функционируют как частички (particles), обслуживающие семантическую систему некоего одного языка; со временем они распространяются на язык уже развившийся или производный от первичного. "Все это напоминает большую сумку с разноцветными кусками мрамора, которая первоначально принадлежит только одному языку. Основной цвет мрамора — красный, и таких кусочков больше половины, остальные же — разных цветов. Куски мрамора смешиваются, а потом пригоршнями разбрасываются по различным направлениям. Каждый новый язык получает свою порцию. Поскольку именно красного цвета было много, то он есть у всех языков. Но если, например, в первую сумку было мало бирюзового цвета, то, естественно, в ряде языков бирюзового и не будет". На самом деле в этой несколько необычной гипотезе скрываются и креационистские идеи, и идеи "мозаичной эволюции", и — что самое интересное — возможности ранних эволюционных тупикиков.

Теория "невидимой руки" (invisible hand theory) связана с именем Р. Келлера [Keller 1985]. Ей посвящено значительное число позднейших толкований (см., в частности [Lüdtke 1989, Nerlich 1989 и др.]). Существуют даже визуальные (в виде рисунков-картинок) представления этой концепции. Теория "невидимой руки" считает языковые изменения процессами не-натуральными, т.е. не зависящими от человеческой интенции и не имеющими цели (purpose). Однако они определяются третьей серией феноменов, диктующихся именно человеческой деятельностью, иначе говоря, это не зависящий от общих усилий результат индивидуальных поведенческих актов. Итак, языковая эволюция не естественна, ни спонтанна, ни телеологична. Она продукт нашей не имеющей дальней стратегии активности. Однако эта эволюция не может быть сопоставима и с биологической эволюцией и вот почему: в природе изменения абсолютно случайны, а в языке — нет. Все лингвистические инновации продуцируются по уже имеющимся моделям; при этом возможны их случайные взаимодействия (from simple random interaction).

В целом эту теорию, наиболее цитируемую до конца 80-х, можно считать переходным явлением от позитивистских убеждений середины века к телеологическим устремлениям его конца.

"Теория педоморфозиса, или теория ноотении" (Paedomorphosis theory; nooteny theory) принадлежит Б. Бичакяну, одному из самых активных деятелей современного LOS, печатавшемуся во многих изданиях, в том числе и на страницах журнала "Вопросы языкознания", [Бичакян, 1992] и строится на идее, что "врожденных моделей нет, но есть врожденные потенции" [Bichakjian 1989: 227; ср. Маковский 1992]. Идея эта формулируется довольно просто: язык движется в сторону ранее усвоенного,

отбрасывая приобретенное позднее и более сложное. Направление этого движения можно проследить по речи современного ребенка и увидеть, какие структуры ребенок предпочитает: "Разумным будет допущение, что эволюция языка есть таким образом результат движения назад, заложенного в наших генах" [Bichakjian 1988: 133]. Эти же идеи были повторены и совсем недавно: "Наблюдая за развитием языков с тысячелетней историей, я пришел к выводу, что человеческие языки последовательно заменяют те черты, которые детьми усваиваются позднее, на те, которые возникают в речи ребенка раньше" [Bichakjian 1993: 5]. Интересно то, что эта теория иллюстрируется автором реальными примерами. Так, в глагольном употреблении становится редким опатив и уменьшается доля субъюнктива — категорий, формируемых сложным флективным образом. Некоторые глагольные конструкции последовательно, заменяются лексическими способами. Новая морфология обычно упрощает предыдущую парадигму. Вместо флексии часто появляются вспомогательные глаголы. Языки движутся в аналитическом направлении; существенную роль при этом играет синтаксическая семантика, во многом подменяющая семантикой позиции флективные способы. Ингерентные фонологические процессы идут в сторону более ранних фонетических систем. Упрощением является и уменьшение супплетивизма во всех его квалификациях: дети безусловно предпочитают суффиксацию аблауту. Левоориентированные синтаксические конструкции с более глубокими рангами подчинения заменяются на близкий к иконическому правоориентированный порядок. В соответствии с этой тенденцией причастные конструкции и инфинитивные обороты в речи уменьшаются, уступая место более "простому" паратаксису и гипотаксису.

Вокруг теории педоморфозиса разгорелось наибольшее число страстей. Одним из первых выступил Ф. Либерман, заявивший, что все данные человеческой эволюции в целом отрицают теорию ноотении и язык не может отличаться от остальных компонентов развития человека [Lieberman 1984: VII]. В последние годы с рядом активно возражающих Бичакджиану статей выступил один из ведущих деятелей LOS Я. Винд [Wind 1988; 1992].

Выходя за рамки беспристрастного обзора, которому в данном случае следовать очень трудно, можно тоже сказать в дискуссионном порядке несколько слов по поводу этой удивительной теории.

1. Во-первых, все приводимые автором лингвистические иллюстрации убедительны и очевидны. Но кто сказал, что язык на раннем этапе был именно таким, каким он вырисовывается на фоне современной эволюции? По существу, все эти процессы отрицают тип "классического" флективного языка, т.е. древнегреческого, латыни, санскрита. Но и только.

2. Почему и на каком основании при определении первичного языка мы вообще имеем право ориентироваться на современного ребенка, т.е. на существо, родившееся в конце XX в. и обладающее мозговой структурой, являющейся результатом сложнейшей эволюции? Ведь *Homo sapiens* отделен от этого ребенка по крайней мере 50 000 лет!

Однако в этой теории есть что-то — из-за ее упрощенности — соблазняющее. Так, например, слушая всевозможные теледиспуты и разного рода парламентские дебаты у нас сейчас, можно легко сделать вывод, что для русского языка "позднеусвоенным" и потому отбрасываемым является место ударения и "правильное" управление глагола. Но подобные выводы слишком легковесны, чтобы о них можно было говорить серьезно.

Пожалуй, эти три теории наиболее популярны. К сожалению, мне не удалось ознакомиться с явно интересными, судя по ссылкам, работами: E. Itkonen. *Causality in linguistic theory*. L.-Canberra; E. Itkonen. *Short-term and long-term teleology in linguistic change*. 1982; E. Itkonen. "On the rationalist" conception of linguistic change 1984 и др., также часто упоминаемыми. Несомненно одно: в лингвистической парадигме "яркие теории" вытесняют установки на методы описания.

III. ТЕОРИИ ЭВОЛЮЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ЯЗЫКА СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

Взрыв интереса лингвистов к проблеме случайного/неслучайного, телеологического/спонтанного, аксиологического/не-аксиологического в языковом развитии можно отсчитывать с начала 80-х, когда вышли в свет две ставшие сразу популярными монографии: Р. Лэсса [Lass 1980] и книга Дж. Айчисона [Aitchison 1981]. Р. Лэсс провозгласил в качестве ведущего принцип у н и ф о р м и т а р н о с т и, т.е. иначе говоря, в языковом развитии не допускается какое-либо изменение, которое не было бы зафиксировано в типологии. "Не существует ничего (т.е. никаких событий, последовательности событий, комбинаций явлений, общих законов), что по каким-либо разумным причинам не могло бы существовать в настоящем, но было бы истинным для прошлого" [Lass 1980: 55]. И в более поздних работах Р. Лэсс повторяет этот тезис и тезис о том, что языковые изменения не подлежат рациональному объяснению. «Я не думаю, что языки — это "системы" в собственном техническом (т.е. системно-теоретическом) смысле, и что их, таким образом, можно удачно диахронически рассмотреть, даже если бы они и были таковыми» [Lass 1980: 89]. В другой работе Лэсс отмечает, что языковые изменения в принципе не подлежат объяснению [Lass 1987: 151]. Сходные мысли были высказаны и в почти одновременно вышедшей книге Айчисона: "Языковое изменение — прогресс или упадок?" По мнению Айчисона, сдвиги в языке могут иметь столь же разнообразные и случайные поводы, как и дорожные происшествия, а причины изменений так же загадочны, как мода носить три пуговицы на жакете в прошлом году и две — в этом. В изменениях языка есть что-то от Чайного приема у Безумного шляпочника у Л. Кэролла. "Смерть языка" никак не связана с его возрастом. Однако в конце книги (по существу, популярной по жанру) Айчисон допускает, что "все-таки всегда можно предположить, что язык развивается неким мистическим способом, который лингвисты еще не идентифицировали" [Aitchison 1981: 234]. К этим же критическим идеям присоединяется и известный историк синтаксиса Д. Лайтфут [Lightfoot 1981: 34]: «Было бы ошибочным иметь дело с той довольно ограниченной теорией грамматики, которая приводит к учету неких мистических условий, к телеологическому подходу, к памяти расы и подобным "объясняющим" принципам». Несколько позднее Д. Лайтфут повторяет упрек телеологам и эволюционистам в мистицизме, защищая от этого направления знаменитый "дрифт" (drift) Э. Сэпира: «Сэпир не предлагал считать drift неким объясняющим принципом, и потому его труды кардинально отличаются от более позднего "типологического" подхода: ему удастся избежать эксплицитного мистицизма Лэкоффа, телеологических фантазий, обращения к так называемой памяти расы, которые претендуют на осмысленность в некоторых новых работах» [Lightfoot 1984: 219]. И далее "Нет смысла работать с очевидно ограниченной грамматикой такого типа, которая ведет к неким мистическим условиям" [Lightfoot 1984: 234].

Однако все приведенные выше цитаты относятся к началу 80-х, а уже в 1984 г. компаративист нового поколения Т. Марки характеризует "девелопменталистов" самым положительным образом: "Они внесли в науку яркую инновацию. Им удалось выявить модели изменения языка, которые не являются ни таксонометрическими, ни чисто дескриптивными, но по сути своей являются инструментами интерпретации. Прежние же лингвисты вполне удовлетворялись, торгуя чистой водой описаниями" [Markey 1984: 68, 69].

КАКИЕ ПРОЦЕССЫ сопровождают языковую эволюцию?

Сторонники девелопментализма различают процессы, происходящие в языках умирающих, и процессы изменения в естественных языках.

Признаки умирающих языков выявляются и при социальном вытеснении и, напротив, при пиджинизации, т.е. при активном процессе.

Черты умирающих: 1) перенасыщенность маркированных признаков в системе; 2) развивающаяся вариативность; 3) гиперрегулярность, приводящая к иррегулярности; 4) редукция морфологических систем [Campbell, Müntzel 1989: 186].

Все эти черты умирания относят к так называемым "ненормальным" процессам развития. Каковы же эти процессы в развитии языка вообще?

Наиболее известна классификация таких процессов историка языка и диахрониста Ч.-Дж. Бэйли, автора монографии начала 80-х о категориях Инь и Янь в языке [Bailey 1982]. Согласно Бэйли, изменения делятся на "естественные" и "нормальные" (*natural/normal*). Первый вид изменений квалитативен, второй — квантитативен. Так, например, смерть — явление естественное, но не нормальное. Есть и процессы *connatural* — когда происходит переворачивание маркированности; есть и процессы "противонормальные" (*counternatural*). Так, образование *sheep—sheeps* (мн. число) естественно, а *sheeps—sheep* — не естественно. "Кон-натуральный процесс" — *sheep—sheepren*. "Противо-натуральный" — *sheepren(s)—sheep* (мн. число). Таким образом, при пиджинизации и языковом вырождении имеют место процессы не-естественные и ненормальные.

Ряд сторонников LOS связывает интересным образом определение процессов развития языка с развитием человеческого сознания и соответствующей фазы самой науки о языке. Так, А. Йонкер, один из редакторов издания "Studies in language origins", считает, что сознание и саморефлексия всегда опережают языковое отражение этого процесса и тем самым языковые изменения можно предсказать, изолированно рассматривая происходящие сдвиги в человеческом сознании [Jonker 1989; 1993].

Оригинальную, но в сущности давно напрашивающуюся точку зрения на развитие языка находим в работе [Itkonen 1982]. А именно: развитие языка — это прототип для развития самой лингвистики: «В самом деле, если оба явления — изменения языка и развитие науки о языке вдохновлены одной и той же импульсивной силой, достаточно целесообразной и разумной, то языковые изменения естественно могут быть определены как "прототип" для развития соответствующей науки» [Itkonen 1982: 140].

Можно к этому добавить, что наука о языке, очевидно, развивается циклически, каждый раз начинаясь со звукового слоя, потом передвигаясь через морфосистемы к синтаксическим. Строго говоря, мы не знаем, так ли именно развивался язык или это мы так экстраполируем это по нашим ментальным моделям? Ведь все больше и больше (см. об этом выше) раздаются голоса в пользу того, что именно синтаксис сделал человека человеком!

СОЦИАЛЬНЫЙ ФАКТОР и языковое развитие.

Как ни кажется странным, в настоящем обзоре социальному фактору в трудах девелопменталистов, быть может, не стоит уделять много внимания именно потому, что этот фактор всеми признаваем и кажется ведущим. Поэтому в данном разделе можно было бы привести множество иллюстраций, что в данном случае не так интересно, как предлагаемая авторами новизна концепций. Укажем лишь некоторые точки зрения. В основном в трудах этого направления социальным компонентом занимается С. Ромэйн — автор и книг и статей на эту тему. Именно ей принадлежит мысль о том, что сами движущие силы и механизмы языковых изменений, которые мы наблюдаем и описываем в новейшее и новое время, совсем не таковы, какими они были во времена возникновения языка. Поэтому мы просто не имеем права делать какие то ни было выводы, опираясь на движущие факторы поздней истории *Homo Sapiens* [Romaine 1983: 345]. Само название работы С. Ромэйн — "Historical linguistics: progress or decay?" (разумеется, это полемическая переключка с названием упоминавшейся книги Айчисона) — звучит весьма красноречиво.

Итак, широкое привлечение социального компонента в языковом развитии приводит к отрицанию принципа у н и ф о р м и т а р н о с т и, и к отрицанию казавшегося много лет непреложным тезиса Е. Куриловича о том, что языковые изменения не должны интерпретироваться через гетерогенные для языковой системы явления. "То, что отличает наше поколение лингвистов от поколения времен Куриловича, — это понимание того, что социальные категории интегрированы в язык и никак не являются для него гетерогенными" [Andersen 1989].

IV. КРИТИКА ИНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ И ОТНОШЕНИЕ К НИМ

Как становится ясно из всего сказанного выше, бифуркальное деление языковедов происходило уже с давних времен. Проще говоря, различие определялось тремя критериями: 1) располагаются ли языки на разных ступенях эволюции, рассматриваемой телеологически, или мы можем утверждать аксиологическое равенство языковых систем всех времен и народов? 2) мог ли некий язык (языки) проходить через тупиковые состояния, современной типологией никак и нигде не засвидетельствованные (т.е. в нарушение принципа униформитарности)? 3) может ли развитие языковых систем определяться "внешними причинами" любого рода или это развитие чисто системное?

Разумеется, возможны разные комбинации ответов на эти вопросы. Девелопменталисты отвечают положительно на все три. Между тем, судя по публикациям последних лет, оказалось, что телеологическое-эволюционное направление в языкознании довольно прочно завоевывало свои позиции в Европе (преимущественно в Германии) 20-х и 30-х годов. Это направление было связано с социальными науками и с биологией — в аспекте гомеостатических колебаний. Имена наиболее ярких представителей — В. Хаверс, Э. Герман, В. Хорн и др. Близкими методологически они считали Свита, Пасси, Есперсена, представителей "пражской" школы. Однако на это направление с острейшей критикой обрушились Л. Блумфильд и А. Мартине. Перед войной телеологи уже как направление не существовали, хотя, как замечает А. Адамска-Салачак, написавшая о них специальную статью, "их телеологическая интерпретация до сих пор остается лучшим претендентом на тот вид решения, который мы так ищем" [Adamska-Salaciak 1989: 73].

Выше говорилось о том, что эволюционисты обвиняются в телеологическом мистицизме. Между тем обвинения в мистицизме предъявляются и с их стороны. Объектом самой жестокой критики является Н. Хомский. Так, во вступительной статье "От редакции" к первому тому [Studies 1989] почти сразу же говорится о том, что Хомский "подменил перст Божий случайностью генетических вариаций" (с. XIII). Вина Хомского — в утверждении существования универсальной грамматики для всех времен и народов. Так, например, если хомскианец видит латинское *Galliam vicit* (без "он"), то он спокойно вставляет местоимение по правилу Pro(noun) Drop Rule [Studies 1989: XVII]. Именно мистической объявляет генеративную теорию Т. Марки [Markey 1984: 62], потому что теория Хомского не учитывает фактора времени, а время — это ведущий фактор человеческого бытия.

Естественно, что критике за отсутствие теоретического базиса (или за отсутствие попыток его обновления) вместе с Хомским подвергается и компаративистика, поскольку ее знаменитые представители — Э. Бенвенист, О. Семереньи и др. — тоже в какой-то мере подтвердили принцип униформитарности: «ничто в прошлой истории, никакая современная форма языка не могут считаться "первоначальными"». Изучение наиболее древних засвидетельствованных языков показывает, что они в такой же мере совершенны и не менее сложны, чем языки современные» [Бенвенист 1974: 35]. Ср. также: "Можно, по-видимому, считать аксиомой, что индоевропейский праязык не мог обладать свойствами, которых нет ни у одного языка на земле" [Семереньи 1980: 154]. Претензии у членов LOS к компаративистике разнообразные. Так, высказывается убеждение в том, что поиск макросемей для языков начинает уходить во времена столь далекие, что без теоретической базы о сути истоков языка и ранней истории эволюции протоязыка эти попытки быть успешными просто не могут [Green 1993: 16]. Итак, компаративистику призывают к диалогу с исследователями происхождения языка: ср. характерное название статьи И. Хегедюш: "Linguistic reconstruction and language origins: will they ever meet?" [Hegedüs 1993]. Критикуются и основные базисные истоки компаративистики. Так, М. Кей, чье имя упоминалось в связи с теорией "красного мрамора", призывает лингвистов освободиться от "давящего ига индоевропеистской модели": ведь совпадение в грамматических показателях еще

никак не свидетельствует о несомненном языковом родстве [Key 1989: XIX]. К более внимательному отношению к исходным теоретическим основам призывает компаративистов и автор работы об Инь и Янь в языке Ч. Бэйли: "Настало время для сравнительно-исторического языкознания вернуться к рассмотрению ведущих теоретических принципов, к пересмотру использовавшихся доньше моделей и законов языкового развития [Bailey 1989: 3]. Компаративисты являются жертвами неverified теории (victims of unexamined theory).

Однако компаративисты также начинают делать шаги к сближению с идеями LOS. За обновление сравнительно-исторических методов выступает К. Уоткинс [Watkins 1989]; в одном из последних изданий LOS А. Милитарев рассказывает о принципиально новаторских работах С.А. Старостина в сфере глоттохронологии, отличных от принципов М. Сводеша и определяющих алгоритм скорости развития базовых словарных единиц [Milutarev 1993].

Итак, все изложенное, как кажется, предлагает некий новый путь (один из путей) развития современной лингвистики. Как кратко сформулировать идеи, кажущиеся стимулирующими?

Прежде всего — это настойчивое требование не удовлетворяться ответом на вопрос КАК?, но искать ответ на вопрос ПОЧЕМУ? Как пишет исследователь классических языков Т. Янсон: "Мы знаем, что итальянское *-a* у имени существительного восходит к лат. *Nominativ*, а окончание *-e* (*mare*) восходит к лат. *Ablativ*. Но сейчас мы должны уже понять, почему происходит такой именно выбор" [Janson 1982: 324]. Наконец, это внимательное отношение к социальному фактору.

Самое главное — это требование прежде всего, при выяснении вопросов языкового родства, сначала получить отрицательный ответ на следующий вопрос: не является ли этот языковой феномен манифестацией той или иной диахронической универсалии, например, обязательным этапом языковой эволюции?

Более того, за всеми прочитанными статьями этого направления (а, к сожалению, удалось ознакомиться лишь с частью публикаций) начинает мерцать ощущение, что на самом деле язык в своих истоках был не таким, каким мы можем его представить. "Наше знание об истории языка ограничено пределами нашей методологии... Всякая реконструкция предполагает конечную конвергенцию, а реальное развитие языков — это дивергенция" [Romaine 1982: 345].

Наконец, можно сказать несколько слов и о том, почему это направление как-то мало известно в нашей лингвистике и только теперь отечественные лингвисты начинают публиковаться в соответственных изданиях.

Дело в том, вероятно, что идеи общей по направленности языковой эволюции, попытки реконструировать палеоязыковое состояние, поиск того, какими были первичные (примарные) единицы и вообще идея таких единиц у нас связалась с комплексом марристских идей и тем самым стала неприемлемой. Это уже понимают и лингвисты за рубежом. Э. Хольман пишет: "Догматическая проработка взглядов Марра его последователями в конце концов привела к зарождению все еще распространенного взгляда, согласно которому эти вопросы не заслуживают серьезного рассмотрения в качестве действительно научных проблем" [Holman 1982: 135].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бенвенист Э. 1974 — Взгляд на развитие лингвистики // Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
- Бичакжян Б.Х. 1992 — Эволюция языка: развитие в свете теории Дарвина // ВЯ. 1992. № 2.
- Маковский М.М. 1992 — Лингвистическая генетика. М., 1992.
- Николаева Т.М. 1991 — Диахрония или эволюция (об одной тенденции развития языка) // ВЯ. 1991. № 2.
- Семереньи О. 1980 — Введение в сравнительное языкознание. М., 1980.
- Adamska-Sataciak A. 1989 — On explaining language change teleologically // *Studia anglica posnaniensia*. XXII. 1989.
- Aitchison J. 1981 — Language change: progress or decay? Bungay, 1981.
- Andersen H. 1989 — Understanding linguistic innovations // Language change. Contributions to the study of its causes. B.; N.Y., 1989.

- Bailey Ch.-J.* 1982 — On the Jin and Jang nature of language. Ann Arbor, 1982.
- Bailey Ch.-J.* 1989 — Two true/false principles of language change // *Indogermanische Forschungen*. Bd XCIV. 1989.
- Bichakjian B.M.* 1988 — Nooteny and language evolution // *The genesis of language. A different judgement of evidence*. B.; — N.Y., Amsterdam, 1988.
- Bichakjian B.H.* 1989 — Language innateness and speech pathology // *Studies in language origins*. V. 1. Amsterdam; Philadelphia, 1989.
- Bickerton D.* 1990. Language and species. Chicago — L., 1990.
- Campbell L., Müntzel M.C.* 1989 — The structural consequences of language death // *Investigating language obsolescence*. Cambr. Univ. Press., 1989.
- Catania Ch.* 1993 — Three varieties of selection and their implications for the origins of language // *Language origins Society. 9-th Meeting*. Oranienbaum, 1993.
- Chiarelli Br.* 1989 — The origin of human language // *Studies in language origins*. V. 1. Amsterdam; Philadelphia, 1989.
- Daniel H.-Y.* 1991 — Are male and female Homo Sapiens selected for different auditory stimuli? // *Studies in language origins*. V. 2. Amsterdam; Philadelphia, 1991.
- Donald M.* 1993 — Precondition for the evolution of protolanguages // *Language origins Society. 9-th Meeting*. Oranienbaum, 1993.
- Fidelholz J.L.* 1991 — On dating the origin of the modern form of language // *Studies in language origins*. V. 2. Amsterdam; Philadelphia, 1991.
- Fruendt H.* 1993 — Speech origin research: semiotic and linguistic indications from echo location among animals // *Language origins Society. 9-th Meeting*. Oranienbaum, 1993.
- Green R.D.* 1993 — The question of transphyletic linguistics // *Language origins Society. 9-th Meeting*. Oranienbaum, 1993.
- Hafferland H.* 1989 — *Mystische Theorie der Sprache bei Jacob Böhme* // *Theorien vom Ursprung der Sprache*. Bd. 1. B.; N.Y. 1989.
- Harrelson W.J.* 1991 — The origin of language according to the Bible // *Studies in language origins*. V. 2. Amsterdam; Philadelphia, 1991.
- Hegedüs I.* 1993 — Linguistic reconstruction and language origins research: will they ever meet? // *Language origins society. 9-th Meeting*. Oranienbaum, 1993.
- Holman E.* 1992 — On the historical continuity of linguistic systems // *Current issues in linguistic theory*. V. 21. Amsterdam, 1982.
- Ikonen E.* 1982 — Change of language as a prototype for change of linguistics // *Current issues in linguistic theory*. V. 21. Amsterdam, 1982.
- Janson T.* 1982 — Description and explanation in historical linguistics // *Current issues in linguistic theory*. V. 21. Amsterdam, 1982.
- Jonker A.* 1989 — On the origin of language and selfconsciousness // *Studies in language origins*. V. 1. Amsterdam; Philadelphia, 1989.
- Jonker A.* 1993 — How does language evolve? // *Language origins Society, 9-th Meeting*. Oranienbaum, 1993.
- Keller R.* 1985 — Towards a theory of linguistic change // *Linguistic dynamics, discourses, procedures and evolution*. B. — N.Y., 1985.
- Key M.R.* 1989 — Language origins and the RED MARBLE theory // *Studies in language origins*. V. 1. Amsterdam; Philadelphia, 1989.
- Lass R.* 1980 — On explaining language change. Cambr., 1980.
- Lass R.* 1987 — Language, speakers, history and drift // *Explanation and linguistic change*. Amsterdam; Philadelphia, 1987.
- Lass R.* 1990 — How to do things with junk: exaptation in language evolution // *Journal of linguistics*. V. 26. № 1. 1990.
- Lieberman Ph.* 1984 — The biology and evolution of language. Cambridge. (Mass.); L., 1984.
- Lieberman Ph.* 1989 — The new investigations on language evolution // *Studies in language origins*. V. 1. Amsterdam; Philadelphia, 1989.
- Lightfoot D.* 1981 — Explaining syntactic change // *Explanation in linguistics. The logical problem of language acquisition*. L.; N.Y., 1981.
- Lightfoot D.* 1984 — Explaining syntactic change // *Explanations for linguistic universals*. N.Y.; Amsterdam, 1984.
- Lindgren L.C.I.* 1991 — On metaphoric communication as the original protolanguage // *Studies in language origins*. V. 2. Amsterdam; Philadelphia, 1991.
- Lüdike H.* 1989 — Invisible-hand processes and the universal laws of language change // *Language change. Contributions to the study of its causes*. B.; N.Y., 1989.
- Markey T.L.* 1984 — Change typologies // *Балканско езикознание*. 1984. XXVII. 4.
- Militarev A.* 1993 — Human language as a Bi-Natural phenomenon // *Language origins Society. 9-th Meeting*. Oranienbaum, 1993.

- Nerlich B.* 1989 — Elements for an integral theory of language change // *Journal of literary semantics*. XVIII/3. 1989.
- Nikolaeva T.* 1993 — The foundations of language evolution and actual issues of diachronic linguistics // *Language origins Society*. 9-th Meeting. Oranienbaum, 1993.
- Payson Creed R.* 1989 — A student of oral traditions looks at the origins of language // *Studies in language origins*. V. 1. Amsterdam; Philadelphia, 1989.
- Pulleyblank E.* 1989 — The meaning of duality of patterning and its importance in language evolution // *Studies in language origins*. V. 1. Amsterdam; Philadelphia, 1989.
- Ragir S.* 1993 — The development of stone tool technologies and the structure of thought // *Language origins Society*. 9-th Meeting. Oranienbaum, 1993.
- Rolfe L.* 1993 — Phonesthemes as primary word forms // *Language origins Society*. 9-th Meeting, 1993.
- Romaine S.* 1982 — The reconstruction of language in its social "context": methodology for a sociohistorical theory // *Current issues in linguistic theory*. V. 21. Amsterdam, 1982.
- Romaine S.* 1983 — Historical linguistics and language change: progress or decay? // *Language in society*. V. 12. № 2. 1983.
- Smillie D.* 1991 — Desiderata for an evolutionary account of the origins of language // *Studies in language origins*. V. 2. Amsterdam; Philadelphia, 1991.
- Studies* 1989 — *Studies in language origins*. V. 1. Amsterdam; Philadelphia, 1989.
- Tomasello M.* 1991 — Processes of communication in the origins of language // *Studies in language origins*. V. 2. Amsterdam; Philadelphia, 1991.
- Watkins C.* 1989 — New parameters in historical linguistics, philology and culture history // *Language*. V. 65. № 4. 1989.
- Wiener L.F.* 1984 — The evolution of language: a primate perspective // *Word*. V. 35. № 3. 1984.
- Wind J.* 1983 — Primate evolution and the emergence of speech // *Glossogenetics*. The origin and evolution of language. L.; P.; Utrecht; N.Y., 1983.
- Wind J.* 1988 — Language evolution and pedomorphosis // *The genesis of language. A different judgement of evidence*. B.; N.Y.; Amsterdam, 1988.
- Wind J.* 1992 — Speech origin: a review // *Language origin: a multidisciplinary approach*. Dordrecht; Boston; L., 1992.
- Winter W. de* 1988 — Behavioral flexibility and the evolution of language // *The genesis of language. A different judgement of evidence*. B.; N.Y.; Amsterdam, 1988.